

А. В. ЦИММЕРЛИНГ

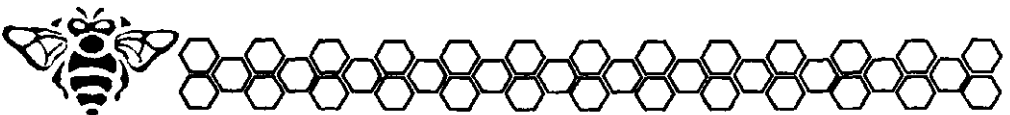
**ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС
СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA PHILOLOGICA

Антон Владимирович Циммерлинг окончил МГУ им. М. В. Ломоносова в 1986 г. Доктор филологических наук (2001). Автор работ в области славянского, германского, типологического языкознания

STUDIA PHILOLOGICA

А. В. ЦИММЕРЛИНГ

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС
СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2002

ББК 81.2
Ц 61

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 01-04-16127

Издание осуществлено при поддержке
Министерства образования, науки и культуры Республики Исландия,
Министерства иностранных дел Республики Исландия,
Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Исландия в Москве
Йоуна Эгиля Эгильссона,
Посольства Королевства Швеции в Москве

Циммерлинг А. В.

Ц 61 Типологический синтаксис скандинавских языков. – М.:
Языки славянской культуры, 2002. – 896 с. – (Studia philo-
logica).

ISBN 5-94457-059-8

В монографии дается полное описание синтаксиса порядка слов и синтаксиса субъектно-предикатных отношений в пяти современных языках скандинавской группы германской семьи — датском, норвежском, шведском, исландском, фарёрском, а также в языке древнейших скандинавских рукописных памятников и языке континентальных скандинавских памятников переходного периода. Описание опирается на единую сетку параметров, значения которых проверяются в корпусе памятников. Обосновывается новая классификация систем порядка слов в языках мира; языки с предикатными энклитиками, где действует закон Ваккернагеля, выделены в особый тип. Впервые строго доказывается факт действия закона Ваккернагеля в древних германских языках. Обсуждается гипотеза о неуниверсальности синтаксического членения и рассматриваются формы реализации категории подлежащего. Выделяется четыре типа двусоставных конструкций без подлежащего в им. п. Доказывается наличие слов категории состояния в древнескандинавских языках и исследуется связь между семантикой предиката и структурой предложения.

ББК 81.2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© А. В. Циммерлинг, 2002

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	13
Введение.....	14

Глава 1

Порядок слов как объект исследования: базовые идеи и инвентарь объяснений	17
--	-----------

0. Компетентия синтаксиса и лингвистическая терминология.....	19
0.1. Ранги и единицы синтаксиса.....	22
0.2. Аспекты и области синтаксиса.....	25
1. Линейный и структурный порядок.....	30
1.1. Синтаксические и асинтаксические сообщения.....	30
1.1.1. Базовые термины.....	30
1.2. Топология предложения и топология групп.....	33
1.3. Принципы и правила расстановки словоформ.....	34
1.3.1. Принципы-предпочтения. Критерий проективности.....	34
1.3.2. Нарушения проективности.....	36
1.3.3. Принципы-ограничения.....	37
1.3.4. Понятие инверсии и его формализация. Базовый порядок слов.....	40
1.4. Окрестностная модель инверсии.....	44
1.5. Вакантные позиции и вектор перемещения.....	45
1.6. Оценка моделей инверсии.....	48
1.7. Другие подходы к исчислению порядка слов.....	48
1.7.1. КЗ-правила.....	48
1.7.2. Вставка.....	49
1.7.3. Топологические константы. Эшелонированный подход.....	50
1.7.4. Дублирование составляющей.....	50
1.8. Выводы к § 1.3—1.7.....	52
1.9. Моделирование отношения свободного порядка.....	52
2. Порядок слов как совокупность стратегий кодирования.....	56
2.1. Необходимость категориальной маркировки.....	56
2.2. Нетривиальная маркировка. Позиции, синтаксические функции и члены предложения.....	58
2.3. Допущение произвольной категории.....	60
2.4. Позиционная структура предложения.....	61
2.4.1. Операции над элементами и над позициями.....	61
2.4.2. Неустранимость позиции.....	63
2.5. Синтаксическое расстояние.....	64
2.6. Стратегии кодирования и типология порядка слов.....	66
2.7. Аппарат описания «вакернагелевских» языков. Сентенциальные клитики.....	69
2.8. Перспективы классификации систем порядка слов по типу кодирования.....	77
2.9. Параметрическое описание «вакернагелевских» языков.....	82
2.10. Системы с глагольными клитиками и Правило Барьера.....	84
2.11. Удвоение энклитик.....	91
2.12. Сентенциальные энклитики и позиционная структура предложения.....	93

2.13. Типология линейных отношений и метаязык синтаксиса.....	95
2.14. Выводы к разделам 2.1—2.12	97
3. Эволюционные импликации	99
4. Дистинктивные функции порядка слов. Два подхода к топологическому кодированию	103
5. Топология предложения: выводы к главе 1	107

Глава 2

Порядок слов в скандинавских языках: традиции анализа 109

1. Проблематика порядка слов в работах младограмматиков.....	113
1.1. Проблемы синтаксической членимости и порядка слов в работах Г. Пауля	113
1.2. Концепция А. Хойслера	115
1.3. Б. Дельбрюк.....	117
1.4. Скандинавские младограмматики	118
1.4.1. М. Нюгор	118
1.4.2. Специальные исследования	119
1.5. Элиас Вессен	120
2. Порядок слов в теориях структуралистов	125
2.1. Е. Курилович	125
2.2. Позиционный синтаксис	125
2.2.1. Э. Драг	126
2.2.2. Ж. Фуркз	127
2.3. Концепция П. Дидериксена.....	128
2.3.1. Базовые понятия.....	128
2.3.2. Исчисление позиций. Вакантные позиции	129
2.3.3. Фундамент	131
2.3.4. Эмпирическая база модели Дидериксена	131
2.4. Теория С. Н. Кузнецова.....	132
2.5. Программа Л. Хельтофта	133
3. Модель Дидериксена — Хельтофта в диахронии	136
3.1. Ретроспективный подход	136
3.2. П. Дидериксен (1941)	136
3.3. Л. Хельтофт (1995)	137
3.4. Анализ дискурсивных явлений.....	138
3.5. Слабости работы Хельтофта.....	139
3.6. Попытки типологических исследований	140
4. Линия Гринберга — Лемана.....	142
4.1. Дж. Гринберг (1963)	142
4.2. Критика теории Гринберга.....	143
4.2.1. Доказательная сила теории	143
4.2.2. Концептуальные возражения	144
4.3. Доминантный порядок и рецессивный порядок	146
4.4. У. Ф. Леман (1974).....	148
4.5. Критика реконструкции Лемана.....	149
4.6. Прагерманский как язык SOV	150
4.6.1. Язык старших рунических надписей.....	150
4.6.2. Язык древнегерманской аллитерационной поэзии	151
4.7. Оценка гипотезы Лемана	152

5. Линия Ваккернагеля — Уоткинса	154
5.1. Я. Ваккернагель (1892).....	154
5.2. Х. Кун (1933).....	155
5.3. К. Уоткинс (1963)	156
5.3.1. Категории индоевропейского предложения и их позиции.....	156
5.3.2. Poleмика Уоткинса с Леманом	158
5.3.3. Русские компаративисты.....	159
5.4. В. А. Дыбо и А. А. Зализняк	160
5.4.1. Область действия закона Ваккернагеля, по А. А. Зализняку (1993)	160
5.4.2. Сентенциальные клитики.....	161
5.4.3. Состав клитик.....	161
5.4.4. Дистрибуция клитик в предложении и в тексте.....	162
6. Проблемы порядка слов в генеративной грамматике.....	163
6.1. Ранние версии доктрины Хомского. Б. Парти (1965).....	163
6.2. Синтаксис линейных отношений в генеративной грамматике Хомского в 1970—1990 гг.	165
6.2.1. Уровневый подход.....	166
6.2.2. Онтологические допущения. Нулевые категории.....	166
6.3. Устранение понятия конструкции.....	169
6.4. Предикативное отношение. Аргументные и неаргументные позиции	170
6.5. Постулат об универсальности синтаксического членения. Функциональные категории и их позиции	171
6.6. Сильное и слабое значение признаков как отражение векторности преобразований.....	172
6.7. Отношения между смежными элементами. Понятие структурного приоритета.....	175
6.8. Типология линейных отношений в работах генеративистов	177
6.9. Рецепция доктрины Хомского.....	178
6.9.1. Генеративная грамматика в Скандинавии	178
6.9.2. Теория перемещения глагола. Объяснение топологических ограничений.....	179
6.9.3. Poleмика Л. Хельтофта с К. Платцаком (1986).....	180
6.10. Эволюция доктрины Хомского: выводы	182
7. Проблематика порядка слов в модели «Смысл ↔ Текст».....	185
8. Проблемы порядка слов в теориях коммуникативного синтаксиса.....	190
8.1. Проницаемость порядка слов для коммуникативных факторов.....	190
8.2. Коммуникативная парадигма.....	191
8.2.1. Русский язык	192
8.2.2. Скандинавские языки	195
8.2.3. Соотносительная сила коммуникативных и формально-грамматических ограничений.....	195
8.3. Коммуникативная нечленимость и план её выражения	198
8.4. Нарративная инверсия.....	200
8.4.1. Дискурсивные объяснения нарративной инверсии.....	202
8.4.2. Инверсия глагола как маркер непрерывности сообщения	203
8.5. Коммуникативная типология.....	205
8.5.1. Служебные слова как маркер коммуникативных статусов.....	205
8.5.2. Операционные критерии выделения ремы	208
8.6. Выводы к разделу 8	210
9. Выводы к главе 2.....	211

Э к с к у р с: Фразовое ударение как синтаксическая идеализация	213
1. Когнитивная интерпретация понятий «ударение», «акцент».....	213
2. Приписывание фразового акцента и выбор акцентоносителя.....	214

Глава 3

Топология предложения в скандинавских языках:

параметры описания	217
1. Континентальные скандинавские языки нового времени	221
1.1. Ограничение на продвижение финитного глагола вправо дальше второго места в простом предложении.....	221
1.2. Ограничение на продвижение финитного глагола влево в начало предложения; допустимость нарративной инверсии SV → VS.....	226
1.3. Ограничения на размещение предикативного ядра; контактное и дистантное расположение подлежащего и финитного глагола.....	227
1.4. Ограничения на вынос элементов в предфинитную позицию.....	231
1.5. Дистантное и контактное расположение аналитических форм и конструкций.....	239
1.5.1. Инфинитивные и причастные конструкции.....	240
1.5.2. Фразовые глаголы.....	241
1.5.3. Серийные конструкции из двух финитных форм.....	246
1.6. Порядок размещения аргументных позиций.....	248
1.6.1. Дополнения.....	249
1.6.2. Предикативы.....	250
1.6.3. Отрицательные ИГ.....	252
1.6.4. Связанный рефлексив.....	253
1.7. Ограничения на размещение обстоятельств.....	254
1.7.1. Лексические ограничения.....	255
1.7.2. Синтаксические ограничения. Перемещения влево и вправо.....	255
1.7.3. Вставка обстоятельств в цепочки членов предложения.....	258
1.8. Статус ограничений и количество альтернатив внутри простого предложения. Выводы к § 1.1—1.7.....	260
1.9. Продвижение финитного глагола вправо в придаточном предложении.....	262
1.9.1. Параметр перемещения глагола вправо на один шаг.....	263
1.9.2. Параметр контактного / дистантного расположения наречия с финитным глаголом.....	264
1.9.3. Разрыв цепочки сентенциальных наречий.....	266
1.9.4. Грамматические функции противопоставления схем Comp — Vfin — AdvSent ~ Comp — AdvSent — Vfin.....	266
1.9.5. Лексический охват преобразования перемещения обстоятельств.....	267
1.9.6. Выводы к разделу 1.9.....	268
1.10. Конструкция с «килем» и наличие фильтра «that-trace».....	269
1.11. Допустимость стилистической инверсии с продвижением элементов придаточного слева направо.....	270
1.12. Экстракция из состава зависимой группы в состав главного предложения.....	271
1.13. Соотношение коммуникативных и формальных ограничений.....	273
1.14. Наличие признаков кодирования тактовых групп.....	276
1.15. Линейная схема предложения в континентальных скандинавских языках.....	279
2. Островные скандинавские языки	281
2.1. Ограничение на продвижение финитного глагола вправо.....	281

2.2. Ограничение на продвижение финитного глагола влево; нарративная инверсия SV → VS.....	282
2.3. Ограничения на размещение предикативного ядра; контактное и дистантное расположение подлежащего и финитного глагола	283
2.3.1. Альтернации позиций подлежащего	283
2.3.2. Статус предикативного ядра при порядке VS	287
2.4. Ограничения на вынос членов предложения в предфинитную позицию	289
2.5. Дистантное и контактное расположение аналитических форм и конструкций ..	292
2.5.1. Нефинитные формы глагола	292
2.5.2. Поствербы.....	293
2.5.3. Поствербы при нефинитных формах фразовых глаголов	295
2.5.4. Элементы, близкие к поствербам	296
2.6. Цепочки аргументных слов.....	297
2.6.1. Беспредложные дополнения	297
2.6.2. Прочие типы аргументных слов	300
2.7. Расположение сирконстантов.....	300
2.8. Константы независимого повествовательного предложения в островных скандинавских языках: выводы к разделам 2.1—2.7.....	302
2.9. Структура придаточного. Перемещение финитного глагола.....	303
2.9.1. Исландский язык.....	304
2.9.2. Фарёрский язык.....	305
2.10. Конструкция с «килем» и наличие фильтра «that-trace»	307
2.11. Стилистическая инверсия	308
2.11.1. Дополнения.....	309
2.11.2. Неаргументные слова	310
2.11.3. Рематическое подлежащее	311
2.11.4. Финитный глагол	311
2.12. Экстракции элементов зависимой группы в главное предложение	312
2.13. Соотношение коммуникативных и формальных ограничений в островных скандинавских языках	313
2.14. Ритмико-синтаксические факторы	314
2.15. Линейная схема предложения в островных скандинавских языках.....	314
3. Древнескандинавские языки.....	316
3.1. Ограничение на перемещение финитного глагола вправо дальше второй позиции	316
3.2. Ограничение на продвижение финитного глагола влево	317
3.3. Ограничения на размещение предикативного ядра	317
3.4. Ограничения на вынос членов предложения в предфинитную позицию	318
3.5. Глагольно-объектные синтагмы и нефинитные формы глагола.....	320
3.6. Поствербы	321
3.6.1. Прозаические памятники	322
3.6.2. Приглагольные частицы of / um в эддической поэзии.....	324
3.6.3. Поствербы и модель управления глагола. Поствербы и предлоги	328
3.6.4. Место поствербов в линейной схеме древнескандинавского предложения... ..	332
3.7. Цепочки аргументных слов.....	333
3.8. Неаргументные слова	335
3.9. Линейная схема и альтернации в придаточных предложениях	336
3.9.1. Особенности гипотаксиса	336
3.9.2. Линейная схема придаточного.....	339
3.10. Конструкция с килем.....	345

3.11. Экстракции элементов зависимой группы в главное предложение	348
3.12. Альтернации в бинарных группах и в предложении: древнескандинавский как язык со свободным порядком слов. Выводы к разделам 3.1—3.11	350
3.13. Линейно-акцентные преобразования: данные нарративных памятников	353
3.14. Закон Ваккернагеля. Сентенциальные клитики	367
3.14.1. Правило Рангов в языке «Саги о Фарёрцах»	368
3.14.2. Цепочки клитик в корпусе эддической поэзии	375
3.15. Конструкции с вынесенным топиком	376
3.16. Соотношение описания и реконструкции: выводы к § 3	384
4. Синтаксические системы переходного типа	388
4.1. Порядок слов в языке «Пятикнижия Моисея» (конец XIV в.) и в языке Педера Клаусена Фриса (XVI в.)	390
4.1.1. Общая характеристика среднескандинавского синтаксического типа в области порядка слов	392
4.1.2. Поствербы	393
4.1.3. Ограничение на сдвиг финитного глагола вправо дальше второй позиции	398
4.1.4. Вынос финитного глагола в начало повествовательного предложения	401
4.1.5. Кодирование места подлежащего	401
4.1.6. Перемещение категорий предложения в предфинитную позицию	402
4.1.7. Аналитические формы и конструкции	404
4.1.8. Цепочки аргументных слов	407
4.1.8.1. Адресатная и каузативная модель в языке «Пятикнижия Моисея»	410
4.1.8.2. Адресатная и каузативная модель в языке Педера Клауссона Фриса	412
4.1.8.3. Выводы к разделу 4.1.8	417
4.1.9. Неаргументные слова	418
4.1.10. Параметр сдвига финитного глагола на шаг вправо	421
4.1.10.1. Косвенные вопросы, вводимые подлежащим местоимением ..	422
4.1.10.2. Косвенные вопросы, вводимые подлежащим местоимением ...	423
4.1.11. Вставка категорий предложения перед глаголом в придаточном и порядок V3 в придаточном	426
4.1.11.1. Способность задавать порядок V3 как лексическое свойство класса наречий	426
4.1.11.2. Дальние перемещения глагола вправо	432
4.1.12. Принцип кля	434
4.1.13. Стилистическая инверсия	440
4.1.14. Экстракции из зависимого предложения и фильтр that-trace	444
4.2. Соотношение формальных и коммуникативных ограничений в синтаксисе памятников переходного периода	445
4.2.1. Конструкции с вынесенным топиком и пути их эволюции	445
4.2.2. Выделительные конструкции, основанные на использовании эксплетивных слов	449
4.2.3. Высказывания с начальным глаголом как результат линейно-акцентных преобразований	456
4.2.4. Роль линейно-акцентных преобразований в приписывании элементам предложения вторичных коммуникативных статусов	461
4.2.5. Сентенциальные клитики и тактовые группы	465
4.2.5.1. Правила Рангов и ограничения на размещение сентенциальных клитик	465

4.2.5.2. Тенденции развития системы упорядочения клитик. Выводы к § 4.2.5.....	471
4.3. Сентенциальные клитики в современных континентальных скандинавских диалектах.....	473
4.4. Выводы к разделу 4.....	475
5. Стратегии кодирования и формально-синтаксические ограничения в диахронической перспективе скандинавских языков. Выводы к гл. 3.....	478

Глава 4

Субъектно-предикатные отношения и конструкция предложения в скандинавских языках: тенденции эволюции

1. Понятие конструкции предложения.....	516
1.1. Понятие подлежащего. Субъектно-предикатные отношения.....	516
1.2. Критерии подлежащности.....	521
1.3. Неканонические подлежащие.....	527
1.4. Выводы к § 1.1—1.3.....	536
2. Гипотеза о неуниверсальности синтаксического членения.....	538
2.1. Предложение и сверхфразовое единство: гипотеза Мейе—Хойслера о синтаксической автономности.....	539
2.2. Понятие конструкции предложения в стадильной типологии.....	544
2.3. Исчисление предикатно-аргументных типов в ролевой грамматике.....	549
2.4. Проблемы германского синтаксиса в освещении ролевой грамматики.....	555
2.5. Теории синтаксической неполноты. Гипотеза о неконфигурационных языках.....	561
2.5.1. Эллипсис и нулевой знак.....	561
2.5.2. Нулевые сущности и грамматические оппозиции.....	568
2.5.3. Гипотеза о неконфигурационных языках.....	571
2.5.4. Выводы к разделу 2.5.....	579
3. Субъектно-предикатные отношения в древнескандинавскую эпоху.....	582
3.1. Исходные и производные конструкции предложения и предикатные значения.....	582
3.2. Нейтральная конструкция предложения и ее параметры.....	584
3.3. Аффективная конструкция предложения.....	611
3.4. Стативная конструкция предложения.....	617
3.4.1. Синтаксис древнескандинавских предикативов.....	617
3.4.2. Оценка стативной конструкции предложения.....	635
3.5. Посессивная конструкция предложения.....	643
3.5.1. Переводимость посессивных схем с переходными и непереходными глаголами.....	643
3.5.2. Критерии посессивности.....	649
3.6. Конструкция с нулевым субъектом.....	653
3.6.1. Распространенные глагольные предложения с устранимым субъектом.....	654
3.6.2. Условия воспроизводства бессубъектной конструкции.....	660
3.6.3. Нульместные метеорологические глаголы.....	667
3.7. Эволюционные тенденции.....	671
3.7.1. Нулевые и эксплетивные подлежащие.....	672
3.7.1.1. Нульместные глагольные предикаты.....	672
3.7.1.2. Нулевые подлежащие и эллипсис семантического субъекта.....	680
3.7.1.3. Нулевые и эксплетивные подлежащие в производных диатезных конструкциях.....	682

3.7.2. Эволюция схем с позицией семантического субъекта	685
3.7.2.1. Аффективная и стативная конструкции.....	685
3.7.2.2. Связочные схемы с предикативом.....	692
3.7.2.3. Дативно-безличная схема с супином	695
3.7.2.4. Эволюция схем с глаголом «казаться» в континентальном скандинавском.....	696
3.7.2.5. Эволюция посессивной конструкции предложения	703
3.7.3. Факторы эволюции схем с семантическим субъектом.....	705
4. Субъектно-предикатные отношения в современных скандинавских языках	709
4.1. Критерий двусоставности	709
4.2. Неканонические типы субъектов.....	711
4.2.1. Континентальные языки.....	711
4.2.2. Островные языки	715
4.2.2.1. Сентенциальные подлежащие.....	715
4.2.2.2. Косвенные субъекты.....	715
4.2.2.3. Нулевые и эксплетивные субъекты.....	722
4.3. Развитие эксплетивных слов.....	731
4.3.1. Разновидности эксплетивных слов и синтаксические схемы с их участием	732
4.3.2. Эволюция неодушевленного местоимения 3 л. ед. ч. как эксплетивного подлежащего	742
4.4. Выводы к § 4	754
5. Субъектно-объектные отношения в современных скандинавских языках ...	755
5.1. Теории падежного управления и классификация дополнений	755
5.2. Пассивизация и диатезные преобразования	757
5.2.1. Неаккузативные дополнения и их аналоги	758
5.2.2. Адресатные дополнения	761
5.2.3. Эксплетивные дополнения.....	764
5.3. Номинативные дополнения и актанты со статусом антисубъекта	770
5.3.1. Номинативные дополнения.....	770
5.3.2. Актанты со статусом антисубъекта.....	772
5.3.3. Актанты основного эпистемического глагола.....	774
6. Выводы к главе 4.....	776
Заключение	785
<i>Приложение. Словарь древнеисландских предикативов</i>	<i>789</i>
Список сокращений	846
Принятые сокращения.....	849
Периодические издания.....	849
Прочие издания	849
Источники.....	850
Названия языков.....	853
Названия диалектов	853
Литература	854
Словари	873
Издания источников.....	874
Предметный указатель	877

ОТ АВТОРА

Данная книга является результатом исследования, успешное завершение которого было бы невозможно без финансовой и моральной поддержки ряда лиц и организаций. Средства на издание текста монографии в полном объеме были выделены Российским гуманитарным научным фондом, издательский проект РГНФ № 01-04-16127, и зарубежными грантодателями — Министерством образования Республики Исландия, Министерством иностранных дел Республики Исландия, Чрезвычайным и Полномочным послом Республики Исландия в Москве г-ном Йоуном Эгилем Эгильссоном и Посольством Королевства Швеции в Москве. В период с 1999 по 2001 г. автор работал над исследовательским проектом «From Oral Syntax to Written Syntax» и пользовался финансовой поддержкой Института «Открытое общество», грант CEU/RSS 932-1999; тематика данного проекта непосредственно стимулировала написание нескольких разделов книги.

Всем перечисленным выше грантодателям автор книги выражает глубокую признательность.

Я благодарю за ценные критические замечания и дополнения В. М. Алпатова, А. В. Дыбо, В. А. Дыбо, Ю. А. Клейнера, Ю. К. Кузьменко, Т. М. Николаеву и С. А. Старостина, читавших рукопись, а также всех коллег, ознакомившихся с фрагментами исследования и высказавших мне свои замечания. Ответственность за выводы и конечные формулировки целиком лежит на авторе книги.

Особую благодарность я выражаю А. А. Перекрестенко, оказавшему неоценимую помощь при подготовке книги к печати; по его инициативе в текст книги был внесен ряд важных исправлений.

А. Циммерлинг

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга преследует двоякую цель. Во-первых, она содержит обоснование типологического аппарата, предположительно пригодного для описания большого числа языков. Во-вторых, она демонстрирует опыт применения данного аппарата для описания небольшого числа родственных языков скандинавской группы германской языковой семьи.

Описание конкретного языка считается точным, если с помощью выделенных параметров или правил можно предсказать возможности употребления, имеющиеся в этом языке. Типологическое объяснение адекватно, если набор параметров, присущих некоторому языку или группе языков, предсказуем и выводится из более общих принципов. Опыт показывает, что прогресс в решении второй задачи невозможен без решения первой и что одной из причин, подрывающих объяснительную силу типологических работ, является то, что они порой опираются на недостаточно точные описания языков. Скандинавистика принадлежит к сравнительно хорошо разработанным разделам частной лингвистики. Это сулит как проблемы, так и перспективы: большая научная традиция позволяет поднять вопрос как о специфике материала, так и о существенных чертах используемых методов.

Монография состоит из четырех глав. В первой главе уточняется круг понятий, необходимых для построения теории синтаксиса, и предлагается аппарат описания линейных отношений. Во второй главе критически оценивается вклад различных концепций в описание явлений порядка слов в германских языках. Третья глава содержит описание синтаксиса порядка слов в пяти современных скандинавских языках, в памятниках древнескандинавских языков и в памятниках среднескандинавского периода. Описание опирается на общую сетку параметров, которые представляют различные формально-грамматические и коммуникативные ограничения. Четвертая глава посвящена субъектно-предикатным отношениям и их эволюции в скандинавских языках: здесь вводится понятие конструкции предложения, обсуждаются критерии подлежащности, структурные разновидности подлежащих и дополнений в скандинавских языках и предлагается их классификация.

Набор параметров, значение которых проверяется в избранном круге языков, устанавливается как на основе метода синхронной типологии (процедура конструирования синтаксических типов, охватывающих все языки мира или открытые классы языков, независимо от их генетического родства), так и на основе метода контрастивной лингвистики (процедура вывода параметров на основе материала строго заданного множества из конечного числа языков).

Автор работы не является сторонником какого-либо одного направления в рамках формальной или функциональной грамматики и не связывает себя с их программными декларациями. В связи с этим теоретические положения, от-

стаиваемые в работе, как правило, доказываются, а не принимаются в качестве исходных допущений, предшествующих анализу. Полная формализация изложения не является нашей целью. Вместе с тем отдельные фрагменты исследования могут быть использованы в работах по прикладной лингвистике. Ни одна из частей книги не претендует на роль учебника или хрестоматии по истории лингвистики — обзор различных теорий порядка слов в гл. 2 и теорий субъектно-предикатных отношений в гл. 4 приводится для того, чтобы показать необходимость радикальной ревизии ряда их положений.

Непосредственным материалом работы является простое повествовательное предложение в древних и новых скандинавских языках. Понятие «скандинавские языки» имеет в книге следующий объем: а) современные литературные языки скандинавской группы германских языков — шведский, датский, норвежский, исландский, фарёрский; б) древнескандинавские диалекты (языки) — древнеисландский, древненорвежский, древнешведский, древнегютнийский, древнедатский; в) языки скандинавских памятников переходного периода — среднешведский, средненорвежский, среднедатский, среднеисландский. Понятие «языки скандинавских памятников переходного периода» для континентальных скандинавских памятников имеет следующее хронологическое содержание: период от 1350 г. до 1600 г. Понятие «древнескандинавский язык» является обобщением для пяти языков древнейших скандинавских памятников — древнеисландского, древненорвежского, древнешведского, древнегютнийского, древнедатского — и основано на принятой в скандинавской традиции конвенции о том, что к моменту появления первых рукописных памятников данных языков различия между ними не превышают характер диалектных. В то же время при анализе древнескандинавских памятников везде указывается, какой язык (диалект) они представляют. Понятие «современный норвежский язык» относится к обеим разновидностям норвежской нормы — букмолу и нюнорску — что соответствует традиции, принятой в последней академической грамматике норвежского языка.

Скандинавские языки обнаруживают типологические пересечения с языками с фиксированным и свободным порядком слов, с языками номинативного и неноминативного строя. В этих случаях мы считали необходимым проверять объяснения, разработанные на материале других языков, например древнеиндийского или современного русского. В то же время в наши цели не входит полное описание синтаксиса данных языков или выявление всех их отличий от соответствующих фрагментов скандинавского синтаксиса.

В ряде случаев логика исследования требовала выхода за пределы простого повествовательного предложения и изучения других предикатных синтагм. Такая необходимость возникла: 1) при выявлении синтаксических ограничений, специфичных для простого повествовательного предложения; 2) при выводе производных синтаксических структур, источником которых служит простое предложение, — общевопросительного предложения, придаточного предложения. В этой связи было принято следующее решение: линейная структура придаточного анализируется в работе, поскольку существует возможность связать построение структуры придаточного и построение структу-

ры главного предложения с действием общих синтаксических ограничений. В то же время структурно-семантические разряды придаточных и характер выражаемых ими значений специально не рассматриваются. Структура непредикатных групп (атрибутивной, детерминативной, посессивной и т. п.) также не рассматривается.

В ряде случаев оказалось необходимо учесть вербальный контекст синтаксических конструкций, включающих анафорические или дейктические элементы. Поэтому в монографии обсуждается соотношение элементарного предложения и более крупных синтаксических единиц — периодов речи. Вместе с тем детальный анализ условий сегментации изученных текстов на элементарные предложения и на периоды речи выходит за рамки данной книги.

Глава 1

ПОРЯДОК СЛОВ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЗОВЫЕ ИДЕИ И ИНВЕНТАРЬ ОБЪЯСНЕНИЙ

0. КОМПЕТЕНЦИЯ СИНТАКСИСА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Синтаксис принадлежит к разделам языкознания, наиболее интенсивно разрабатывавшихся в XX в. представителями разных научных школ. Тем не менее, консенсуса о предмете синтаксиса и границах синтаксической теории по-прежнему нет, ср. обсуждение в [Кузнецов 1984: 36—43; Поливанова 1999; Реферовская 1989: 34—36; Арутюнова 1990: 449—451; Nedergaard Thomsen 1998].

В научной литературе вопрос о предмете синтаксиса ставится либо как вопрос о месте синтаксического компонента в том механизме распознавания и порождения, который принято называть грамматикой, либо как вопрос о специфике синтаксических единиц (предложения, словосочетания и т. п.) или синтаксических отношений (например, субъектно-предикатных, субъектно-объектных отношений или отношений управления и согласования и т. п.). В первом случае принято говорить об *уровневой* концепции языка, во втором — об *аспектной* [Кузнецов 1984: 36—43]¹.

Авторы большинства работ дают определения синтаксиса в рамках некоторой глобальной доктрины (грамматика Хомского, модель «Смысл ↔ Текст», функционализм, когнитивизм и т. п.), предположительно пригодной для описания всех языков мира, ср. [Ries 1931; Пешковский 1938: 64; Хомский 1972: 19—21, 71—74; Мельчук 1974: 207—219; Бенвенист 1974: 138—140; Теньер 1988: 22—24; Арутюнова 1990: 449—451; Anderson 1993]. Но такие определения непосредственно отвечают лишь на вопрос о задачах синтаксиса в данной доктрине, и их можно отвергнуть, отказавшись от лежащих в её основе исходных допущений. К примеру, Н. Хомский в работах разных лет настаивал на том, что роль синтаксиса состоит в построении упорядоченного дерева предложения с бинарным членением из заданного в словаре исходного набора морфологически неохарактеризованных элементов (т. н. базовый компонент синтаксиса) [Хомский 1962; Хомский 1972]. Этот подход был опробован на материале английского языка и одновременно заявлен в качестве метода построения универсальной грамматики. Многие противники Хомского отметили, что при описании других языков информацию о согласовательных

¹ При последовательном проведении уровневого подхода к грамматике внутри каждого уровня (морфология, синтаксис) возможно выделение подуровней, например, «глубинного» и «поверхностного» синтаксиса, «глубинной» и «поверхностной» морфологии и т. д. По такому типу строятся Стандартная Теория Н. Хомского и модель «Смысл ↔ Текст» [Хомский 1972; Мельчук 1974]. При последовательном проведении аспектного подхода внутри каждого уровня может быть выделен как «морфологический», так и «синтаксический» аспект. Такой подход пропагандирует С. Андерсон [Anderson 1993: 69, 80—90, 95]. Более ранние концепции критически обсуждаются в [Кузнецов 1984: 37—38].

свойствах слов проще ввести в разделе морфологии [Поливанова 1999: 104], а эвристический прием ввода морфологических категорий в процессе порождения синтаксических деревьев удобен из-за специфических черт английского языка — малого числа морфологических показателей и жесткого порядка слов, где смежные элементы регулярно оказываются в иерархических отношениях [Nash 1986: 154; Мельчук 1974: 269—270]. Если отрицать существование морфологически неохарактеризованных элементов, часть синтаксических правил в хомскианском понимании термина становится ненужной [Nash 1986: 13]. Очевидно, что такое решение, в свою очередь, не удовлетворит тех, кто отвергнет допущение о том, что грамматические правила действуют над словами, которые имеют полный набор морфологических показателей и которым уже приписано некоторое значение.

Некоторые ученые предлагают отталкиваться от материала конкретных языков и подбирать для него ту теорию, которая проще и, одновременно, объясняет большее количество фактов. Радикальное проведение подобного подхода сводится к тезису о том, что единого определения синтаксиса нет [Поливанова 1999: 99] и что его компетенция зависит от типа языка (флексия, агглютинация, корнеизоляция, инкорпорация, фиксированный / свободный порядок слов) [Поливанова 1999: 105; Hale 1983; Anderson 1993: 69, 84, 89, 95]. В работах этого толка можно встретить эпатирующие тезисы вида «в языке К есть и морфология, и синтаксис», «в языке L нет синтаксиса», «в языке M нет морфологии», так как «информацию, называемую в описании языка К “правилами синтаксиса”, при описании языка L удобно дать в разделе о классах слов»², а при описании языка M, напротив, всю информацию о классах слов вводить правилами синтаксиса³. Данный путь возводит удобство описания в ранг главного принципа грамматики, что делает перспективы общего синтаксиса туманными.

Остается третий путь — определить круг понятий, необходимых для общей теории синтаксиса и максимально независимых от выбора глобальной лингвистической доктрины; при данном подходе правомерно выдвинуть требование, чтобы теория синтаксиса не зависела от решения вопроса об автономности формы языка от значения, ср. дискуссию между генеративистами и структуралистами [Хомский 1962: 449, 518; Якобсон 1985: 237]. Полезным ориентиром при этом может стать сравнение синтаксиса естественных и искусственных языков.

² Подобные утверждения нередко делают ученые, описывающие флективные языки с большим числом словоизменяющих показателей (санскрит, варльпири, русский). Выражается мнение о том, что ряд языков лишен «синтаксических правил» [Kibrik 1997: 299] или «синтаксических отношений» [Kibrik 1997: 287].

³ По данному шаблону выстроена гипотеза К. Хейла о т. н. конфигурационных языках [Hale 1983; Nash 1986: 154, 163]. К. Хейл предлагает делить языки на два класса, исходя из того, легко ли построить для них упорядоченное дерево предложения с бинарным членением. Если нет, то язык объявляется лишенным «базового компонента синтаксиса». Недостатки такого подхода к описанию предикатно-аргументных отношений обсуждаются в гл. 4.

Греческий термин $\sigma\upsilon\nu\tau\alpha\acute{\xi}\iota\varsigma$ означает «упорядоченный строй», «составление», «построение». В формальных языках, примерами которых служат языки комбинаторной логики и алгоритмические языки, под «синтаксисом» понимают совокупность правил вывода и теорем о свойствах данной аксиоматической системы [МЭ 1984: 1182—1185]. В естественных языках «синтаксисом» обычно называют совокупность правил, позволяющих строить правильные, с точки зрения носителя данного языка, сложные объекты («предложения», «правильно построенные синтаксические структуры»), состоящие из слов или блоков слов («элементарных составляющих», «синтаксических групп») данного языка. Из этого видно, что общим для синтаксиса формального и естественного языков служит понятие *исчисления* (цепочек символов, высказываний, предикатов), опирающееся на оценку *правильно / неправильно*. Оценка *правильно / неправильно* распространяется именно на сложные синтаксические объекты, которые могут быть оценены как неправильные, даже если их элементы аномалий не содержат⁴. Данный факт является главным основанием в пользу признания двухуровневой природы синтаксиса; чтобы процедура порождения / распознавания правильно построенных структур работала эффективно, нужно ввести уровень элементарных составляющих, сохраняющих свою дискретность в составе сложных объектов [Harris 1963]. Дискретность, т. е. принципиальная вычленимость элементов — специфическая черта синтаксиса как уровня организации естественного языка, а не свойство формализма; с помощью порождающей грамматики можно порождать не только предложения, но и любые другие структурные объекты, например слоги, морфемы или словоформы [Гладкий, Мельчук 1969: 28, 34—36]. Однако по отношению к системам с элементарными объектами меньше слова условие дискретности не соблюдается. Так, русское предложение *Васька вчера понадукусывал котлет на кухне* задает целый ряд иерархических

⁴ Ср. прежде всего аномальные цепочки из реально существующих слов. Н. Хомский приводит примеры, где неправильность возникает из-за нарушения линейного порядка, ср. англ. *sincerity frighten may boy the, англ. *boy the frighten may sincerity [Хомский 1972: 72]. Более отдаленное отношение к данной проблеме имеют конструкции с правильно построенными цепочками из фиктивных словарных единиц, имеющих реально представленные в данном языке грамматические показатели вроде рус. *Глокая куздра штеко бодланула бокра* (Л. В. Щерба), англ. *Pirots karulize elatically* или конструкции с правильно построенными цепочками из реально существующих словарных единиц, лишенными стандартной семантической интерпретации вроде англ. *Colorless green ideas sleep furiously*, букв. «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (Н. Хомский). Статус таких выражений как правильных / неправильных интуитивно неочевиден и зависит от соглашений, принимаемых в данной грамматической теории. Н. Хомский в работе 1957 г. «Синтаксические структуры» пытался с помощью таких конструкций доказать автономность формы от значения [Хомский 1962: 449, 518]. Р. О. Якобсон, критикуя Хомского со структуралистских позиций, утверждал, что любое грамматически правильное предложение осмысленно [Якобсон 1985: 237]. По нашему мнению, подобные конструкции непосредственно иллюстрируют постулат о примате грамматического значения над лексическим значением, а к обоснованию специфики синтаксиса прямого отношения не имеют.

отношений (между подлежащим и сказуемым, между основным глаголом и обстоятельством времени и т. д.) и линейных отношений (данное предложение начинается с подлежащего *Васька*, предлог *на* непосредственно предшествует существительному *кухня* и т. д.), причем все слова данного предложения остаются его непосредственными составляющими, т. е. показывают н и ж н и й п р е д е л синтаксической членности. Нетрудно убедиться, что сложное выражение *понадкусывал*, состоящее из сегментов *по-*, *над-*, *кус-*, *ыва-*, *-л*, не удовлетворяет критерию дискретной вычленимости морфов. Приставка *по-* присоединяется слева не к корню *-кус-* и даже не к соседней приставке *-над-*, а к производящей основе *надкусывать* [над[кусывать]] → [по[над[кусывать]]], нет и не может быть такого уровня организации словоформы *понадкусывал*, на котором две приставки *по-* и *над-* одновременно присоединяются к основе **кусывать*; равным образом, грамматически правильное выражение *покусывал* (ср. рус. *Васька несильно покусывал своего хозяина*) не может быть признано непосредственной составляющей выражения *понадкусывал* несмотря на то, что все его составные части являются морфами этого слова⁵. Столь же иллюзорна провозглашенная Е. Куриловичем [Курилович 1962: 35] аналогия между предложением и слогом: слог как интегральная сущность несводим к линейной последовательности экспонентов фонем, а фонемы не являются дискретными, однозначно вычленяемыми отрезками звучащей речи.

0.1. Ранги и единицы синтаксиса

В большинстве работ, в том числе в ранних версиях грамматики Хомского, допускается, что сложные синтаксические объекты (в традиционной грамматике называемые *конструкциями*) обладают нетривиальными свойствами, не выводимыми из свойств составляющих, но обусловленными функцией или значением данного класса выражений, отсюда термины вроде *предикатная / атрибутивная конструкция*, *конструкция пассива*, *конструкция придаточного*, *посессивная конструкция*, *адресатная конструкция* и т. п. Вместе с тем в некоторых концепциях необходимость выделения двух рангов в синтаксисе отрицается. Это возможно либо за счет того, что информация об элементах предложения, касающаяся их способности формировать некоторый набор «конструкций» в языке *L*, закладывается в определение словарных единиц данного языка (сочетаемостные ограничения, модель управления, перечень занимаемых позиций, стандартная ролевая семантика и т. д.), ср. [Адмони 1988: 147, 161; Мейе 1938: 360; Nash 1986: 13, 164], либо за счет того, что все свойства синтаксических структур в языке *L* выводятся из правил универсальной грамматики, ср. [Chomsky 1993; Бейлин 1997: 52—55]⁶. Значимость

⁵ Данный пример наглядно показывает, что при рассмотрении сегментных единиц морфологии (морфов, словоформ) нельзя отвлекаться от их плана содержания [Зализняк 1967: 22—33].

⁶ Внешне редукционистские теории двух данных типов имеют мало общего. Теории первого типа (т. н. концепции «автономности», ср. о них ниже в гл. 2 § 2.5 и гл. 4 § 4.3)

противопоставления между двух- и одноранговыми концепциями синтаксиса, ср. обзор в [ФНСАЛ 1997: 386], с нашей точки зрения, преувеличена. Расхождения между ними касаются не столько статуса синтаксических единиц, сколько соотношения между синтаксисом и морфологией. Редукционистские концепции первого типа, объявляющие синтаксические структуры проекцией морфологических или лексических ограничений языка L, предлагают рассматривать правила построения словосочетаний и предложений в разделе морфологии, а редукционистские концепции второго типа, напротив, стремятся свести всю грамматику к синтаксису. Концепций, где отрицалась бы дискретность элементарных синтаксических единиц, как будто не существует. Вместе с тем статус минимальных единиц синтаксиса может определяться по-разному. Большинство ученых признает минимально возможной составляющей предложения словоформу, т. е. некоторый устойчивый комплекс морфем, способный формировать осмысленное сообщение в изолированном употреблении и линейно неразложимый на меньшие компоненты, обладающие указанным свойством⁷ [Мельчук 1997: 158]. С. Андерсон учитывает в качестве синтаксических элементов также клитики, которые он трактует как значащие элементы, переходные между морфемами, т. е. минимальными значащими единицами, и словоформами [Anderson 1993: 76—81]. В рамках

служат для обоснования специфики языков со свободным порядком слов и богатой морфологией, их авторы подчеркивали, что в таких языках элементом построения предложений служат отдельные взятые морфологически охарактеризованные слова, а группы членов предложения («глагольная группа», «именная группа») неразвиты [Мейе 1938: 363; Nash 1986: 13, 164]. Теории первого типа имеют дескриптивную ориентацию: число субстанциональных элементов предложения может быть большим, набор формальных классов слов определяется для каждого языка отдельно. Теории второго типа развиваются в рамках универсальной грамматики, их авторы постулируют существование строго ограниченного числа субстанциональных элементов («лексических категорий»), которые трактуют как группы — «глагольная группа», «именная группа», «группа прилагательного», «предложная группа» [Chomsky, Lasnik 1993: 513], утверждается, что предложения всегда складываются из предварительно упорядоченных групп.

⁷ Данный критерий, впрочем, является слишком сильным, что побуждает И. А. Мельчука допустить разные степени коммуникативной самостоятельности словоформ и выделять разные степени «автономности», т. е. способности к самостоятельному употреблению. Так, в русском примере *Профессор читает газету* все три словоформы признаются «сильно автономными», поскольку они могут формировать однословные сообщения (ср. *Что делает профессор?* — *Читает*), а в его французском соответствии фр. *Le professeur lit un journal* такому критерию удовлетворяют лишь обе ИГ, в то время как глагол *lit* «читает» признается «слабо автономным», как «остаток от полного высказывания после вычитания из него всех сильно автономных знаков» [Мельчук 1997: 160, ср. Бенвенист 1974: 134]. Нетрудно заметить, что критерий «слабой автономности» основан на допущении о том, что все элементы «полных высказываний» принадлежат одному уровню, а такое знание, вопреки И. А. Мельчуку, может быть получено только путем синтаксического анализа, т. е. построения дерева предложения, а не путем перебора «полных высказываний» как синтагматических объектов.

морфологической теории В. А. Плуноян выделяет еще большее количество промежуточных ступеней, постулируя наличие «линейно-синтагматического континуума» между словоформой и аффиксальной морфемой [Плуноян 2000: 32—34]. Представляется, что для большинства областей синтаксиса представление о континууме значимых единиц не нужно. В настоящей работе мы, в соответствии с традиционной точкой зрения, везде признаем минимальной единицей синтаксиса словоформу, а не морфему⁸ и, соответственно, трактуем синтаксические клитики и частицы (ср. рус. *ли, же, не*, дат. *ikke*, дрисл. *nú*, дрдат. *tha* и т. д.) как словоформы, если они занимают некоторую позицию в линейной или иерархической структуре предложения.

Для целей данной работы редукция грамматики к единственному компоненту, будь то синтаксис или морфология, не нужна, поэтому мы при описании конкретных языков признаем реальность «конструкций» и символически записываем их в виде структурных схем типа $N_{ном} — V_{fin} — N_{acc}, V_{link} — Pred$ и т. п.⁹. По соглашению, все синтаксические единицы, как элементарные, так и сложные, трактуются нами как двусторонние. Планом выражения элементарных синтаксических единиц мы признаем словоформы и группы словоформ, занимающих единую *позицию* в дереве предложения, а планом содержания — те необходимые для построения предложения категории, которые они в данной позиции выражают, например «подлежащее», «прямое дополнение» и т. д. Планом выражения сложных синтаксических единиц мы признаем структуры определенного вида — «предложения», «именные группы» и т. д., а планом содержания — таксономическое предикатное или термовое значение, например «действие», «состояние», «агенс», «адресат» и т. д. В редукционистских концепциях (ср. грамматика Хомского) вопрос о *значении* синтаксических выражений заменяется вопросом об их *категориальной маркировке* (ср. ниже гл. 1, § 2.1), единицы синтаксиса трактуются как односторонние сущности.

Термин «уровень» в синтаксической литературе обычно используется не для изучения соотношения элементарных и сложных единиц, но для изучения отношения синонимии или близости предложений, например, рус. *у него есть*

⁸ Ср. «слово выступает как морфологическая единица соотносительно с морфемой, но как синтаксическая единица соотносительно с предложением, ... синтаксис представляет собой средний грамматический ярус, к компетенции которого относится исследование слова в его отношении к единицам высшего порядка и исследование предложения — в отношении к единицам низшего порядка» [Кузнецов 1984: 38].

⁹ О понятии «структурная схема» в русской грамматической традиции см. [Грамматика 1970: 544—545]. Следует иметь в виду, что структурная схема в цитированном издании отождествляется с *формой* конкретного предложения как «самостоятельной синтаксической единицей сообщения», а грамматическим *значением* конкретного предложения называется общее значение «предикативности». В нашей работе структурная схема выделяется не только у конкретных предложений, но и у классов предложений, а грамматическим значением мы признаем общее таксономическое значение данного типа предикации, например, значение «состояния, ограниченного единственным актантом», «поссесивное отношение между двумя актантами», «действие, затрагивающее три актанта, один из которых имеет значение адресата» и т. п.

дом и он имеет дом, англ. John built the house и The house is built by John. Для описания преобразований, связывающих между собой подобные предложения, Н. Хомский ввел понятие *глубинной структуры* [Хомский 1972], которое нашло применение в отечественной лингвистике [Падучева 1974: 14—36]. Обычно глубинная структура понимается как инвариант относительно всего множества синтаксических преобразований предложения, ср., однако, возражения, выдвинутые против этой точки зрения в [Падучева 1974: 23]¹⁰. Допущение о наличии языка глубинных структур необязательно; в последних версиях грамматики Хомского его нет (см. гл. 2, § 6.3). В настоящей работе представление о глубинной структуре как особом уровне синтаксиса не используется.

0.2. Аспекты и области синтаксиса

Выделяются три основных аспекта синтаксиса по типу отношений между единицами: *иерархические отношения, линейные отношения и отношения части и целого (полноты/неполноты)*. Линейным отношениям в настоящей работе отведены главы 1 и 3, иерархические отношения и отношения части и целого анализируются в гл. 4 настоящей работы. Некоторые авторы резервируют термин «синтаксические отношения» только для иерархических отношений, ср. [Kibrik 1997: 287] и гл. 4, § 2; в нашей работе такая терминологическая конвенция не принимается и все языковые механизмы, регулирующие отношения линейного порядка элементов и необходимости их эксплицитного наличия / отсутствия, считаются собственно синтаксическими. Данные механизмы носят *запретительный* характер [Ross 1967], блокируют появление структур определенного вида и могут быть названы *синтаксическими ограничениями* (constraints, conditions).

Понятие синтаксического ограничения является краеугольным камнем любой теории синтаксиса, понимаемого как процедура исчисления сложных объектов, складывающихся из дискретных элементов. Понятие грамматического как *регулярного и обязательного*¹¹, необходимое для адекватного описания грамматических значений и значений морфологических категорий, ср. [Якобсон 1985: 233—234; Зализняк 1967: 25; Плуныян 1994: 151], для описания синтаксических явлений — слишком слабое средство, что показано ниже в гл. 1. При выделении синтаксических категорий¹² критерий *грамматическое = обязательное* уместен; можно постулировать категорию «синтаксического наклонения», принимающую значения «сообщение», «вопрос», «импе-

¹⁰ Понятие синонимии предложений, используемое для обоснования понятия глубинной структуры Е. В. Падучевой, само существенно опирается на презумпцию существования уровня, на котором происходит отождествление смыслов предложений, имеющих разный состав и / или порядок элементов.

¹¹ См. эксплицитное определение критериев обязательности и регулярности в [Зализняк 1967: 25].

¹² Выделение синтаксических категорий имеет давнюю традицию, см. [Пешковский 1938: 59—61].

ратив», «восклицание», и доказывать, что она присуща предложению англ. *John often kisses Mary* в силу того, что любое законченное предложение английского языка или является сообщением, или вопросом, или императивом, или восклицанием. Однако описать за счет введения новых категорий запрет на вставку в вышеназванном предложении обстоятельства *often* между финитным глаголом *kisses* и прямым дополнением *Mary* не удастся. Если изучать множество линейных перестановок элементов данного предложения, сохраняющих смысл 'Джон часто целует Мэри', то окажется, что одной аномальной комбинации **John kisses often Mary* соответствует более одной грамматичной, ср. *John often kisses Mary*, *John kisses Mary often*. Отсюда следует, что критерий обязательности по отношению к форме сложного синтаксического выражения не всегда проходит: наличие запрета на некоторое сочетание элементов не означает, что лишь одно сочетание тех же элементов будет правильным. В свою очередь, чисто формальная модель грамматики как системы запретов не годится для морфологии, так как игнорирует проблему грамматического значения. Тем самым морфология и категориальная грамматика, с одной стороны, и теоретический синтаксис, с другой, опираются на разные критерии грамматической правильности.

Иногда против представления о синтаксисе как системе нормативных запретов выдвигают тот довод, что при перестановке элементов некоторого предложения или их опущении порой возникают грамматичные предложения [Поливанова 1999: 100]. Это недоразумение: понятие грамматического запрета должно применяться для отсева неправильно построенных структур, а не для доказательства того, что данная цепочка элементов является единственно возможной. Исследователи древних и младописьменных языков часто выдвигают иное возражение: степень кодификации языков мира различна, в условиях отсутствия или слабости национальной письменной литературной нормы речевые произведения обычно оцениваются не по бинарной схеме «да / нет», а по градуированной шкале вида «хорошо — приемлемо — менее приемлемо», где жестких запретов нет. Но и в этом случае синтаксические ограничения можно выявить путем изучения узуса или корпуса текстов данного языка; данная процедура, разумеется, трудоемка технически, так как требует статистического анализа и объяснения причин, по которым некоторые комбинации элементов имеют ничтожно малую частотность.

Все теоретики признают, что синтаксис должен изучать правила построения сложных объектов, однако в вопросе об основной единице мнения расходятся. А. М. Пешковский определял синтаксис как «отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний» [Пешковский 1938: 62—66]. Другие авторы признают теории словосочетания и предложения подразделами синтаксиса, ср. [Арутюнова 1990: 448—449; Кузнецов 1984: 39]. Некоторые представители грамматического редуccionизма, как отмечено выше, объявляют основной единицей синтаксиса слово (словоформу), но оговаривают, что такой подход годится не для любого языка [Мейе 1938: 360; Nash 1986: 13, 164]. Напротив, основоположники европейского структурализма (Е. Курилович, Э. Бенвенист, П. Дидериксен) считали основной единицей синтаксиса элементарное,

т. е. независимое монопредикатное предложение и отмечали особый статус предложения как максимальной единицы языка и минимальной единицы речи, обладающей предикативностью, т. е. соотношенной с внеязыковой действительностью [Бенвенист 1974: 138—139], ср. [Реферовская 1989: 36]. Е. Курилович и П. Дидериксен особо настаивали на том, что законченное предложение является *замкнутой структурой* и не может выступать в качестве элемента другой структуры [Курилович 1962; Diderichsen 1976]; при таком подходе им, естественно, пришлось делать специальную оговорку о том, что части *сложноподчиненного* предложения структурной замкнутостью не обладают.

Стремясь обосновать специфику предложения, Э. Бенвенист писал, что, в отличие от «фонемы, морфемы и слова (лексемы)», имеющих «дистрибуцию на своем уровне и употребление на высшем», «для предложений не существует ни законов дистрибуции, ни законов употребления» [Бенвенист 1974: 139]. Он утверждал также, что предложение «не составляет класса различных единиц», что все типы предложений сводятся к одному — «предложению с предикативностью» и что «разных видов предикации не существует». Эти положения Бенвениста очевидно неприемлемы. Чтобы объяснить воспроизводство предложений в любом языке, нужно изучать их форму и понять запреты, накладывающиеся на их дистрибуцию; так, в русском языке структурная схема $N_{\text{dat pers}} - V_{\text{link}} - \text{Pred}$, ср. рус. *ему было весело*, предполагает, что позиция $N_{\text{dat pers}}$ занята одушевленным существительным. Чтобы понять значение предложения рус. *мне было весело*, нужно, кроме того, отвергнуть тезис о том, что разных видов предикации не существует, и выделять разновидности предикации, различающие предложения вроде рус. *ему весело, он веселый, он веселится*, что задолго до появления обсуждаемой работы Бенвениста (1962 г.) было сделано Л. В. Щербой [Щерба 1974: 90] — статья Л. В. Щербы вышла в 1928 г. Данная иллюстрация показывает, что, помимо конкретных, актуализованных в речи предложений, разбором которых предлагал ограничиться Бенвенист, необходимо изучать абстрактные предложения как грамматические шаблоны, порождаемые по определенным правилам: в отечественной лингвистике это было впервые последовательно сделано в вышедшем под редакцией Н. Ю. Шведовой труде [Грамматика 1970: 541—595], где было создано исчисление структурных схем русских предложений и обосновано понятие *парадигмы* предложения как совокупности его *форм*¹³.

Во многих работах последней трети XX в. теорию актуализованных предложений предлагали считать особым разделом языкознания. Н. Д. Арутюнова

¹³ Термин «парадигма предложения» иногда используется в литературе не только по отношению к множеству преобразований форм конкретного предложения, сохраняющих тождество его структурной схемы (ср. рус. *мне холодно, мне было холодно, мне будет холодно, мне должно быть холодно* и т. д.), но и по отношению к множеству структурных схем, исчерпывающему правильные типы предложений в языке. Синтаксическая парадигматика в этом значении термина сводится к анализу регулярных соответствий, имеющих место между обобщенной предикатной семантикой класса предложений и структурной схемой, и условий их воспроизводства, например условий воспроизводства эргативной и номинативной конструкции в некотором языке. См. ниже гл. 4.

называет его «синтаксисом текста» [Арутюнова 1990: 449], а С. Н. Кузнецов — «дискурсивной грамматикой» [Кузнецов 1984: 38]. Все авторы согласны с тем, что отдельное актуализованное предложение — минимальная единица сегментации речи, иерархически подчиненная более крупной единице сегментации — *сверхфразовому единству*. В том же разделе предлагается изучать особенности законченных речевых произведений, т. е. устных и письменных *текстов*.

Между синтаксисом языка и синтаксисом текста есть область пересечения. Большинство авторов исходит из того, что все тексты характеризуются двойной членимостью как на предложения, так и на сверхфразовые единства [Daneš 1974]. Эта точка зрения может быть названа гипотезой об универсальности синтаксического членения. Противоположная ей гипотеза о неуниверсальности синтаксического членения, обсуждаемая ниже в гл. 4, раздел 4.2, утверждает, что в бесписьменных и младописьменных языках сверхфразовые единства не всегда эксплицитно членятся на элементарные предложения и что феномен двойного членения текста возникает в результате длительного воздействия письменной традиции. Умеренные сторонники этого взгляда ограничиваются требованием признать соотносительность предложений и сверхфразовых единств [Сильман 1967; Реферовская 1989: 35], а радикальные настаивают на том, что сверхфразовые единства в бесписьменных и младописьменных языках обладают большим числом формальных признаков, нежели предложения [Кузьменко 1991; Гурочкина 1991]. В теоретическом плане это равносильно требованию признать полипредикатные комплексы более базовой единицей синтаксиса, чем монопредикатные. В наших статьях [Циммерлинг 1993; Циммерлинг 1999] мы обсуждали плюсы такого подхода. Однако проведенное исследование показало, что исчисление элементарных предложений может быть успешно построено и для языка младописьменных древнескандинавских памятников, где основной единицей сегментации служит сверхфразовое единство. В этой связи мы более не считаем необходимым пересматривать соотношение синтаксиса языка и синтаксиса текста и постулировать существование языковых единиц больше предложения. В то же время целесообразно признать соотносительность предложений как единиц построения и сверхфразовых единств как единиц сегментации и изучать их соотношение как фактор порождения предложений, что сделано в гл. 4.

В последние десятилетия языковые механизмы интенсивно исследуются в плане соответствия когнитивным, ср. обзор современной литературы в [ФНСАЛ 1997: 276—389]. Авторы, настаивающие на том, что форма языка мотивирована внеязыковой действительностью, нередко говорят о том, что язык *кодирует*, т. е. воплощает те или иные понятийные и когнитивные категории и / или свойства денотативной ситуации. Понятие кодирования неспецифично для синтаксиса, но оно может найти себе применение в моделях, признающих двусторонний характер синтаксических единиц. В настоящей работе термин «кодирование» используется не для описания любого соответ-

ствия между планом содержания и планом выражения языковых единиц, а для характеристики 1) механизмов, порождающих классы предложений и регулярно воспроизводящих некоторое устойчивое соотношение между предикатной семантикой и структурной схемой; 2) замкнутых подсистем синтаксиса (порядок элементов предложения, предикатно-аргументные отношения).

Итак, синтаксис естественного языка строится как процедура исчисления сложных структурных объектов, складывающихся из дискретных языковых единиц. Минимальной синтаксической единицей является словоформа. Условие дискретности элементарных единиц не всегда соблюдается на других уровнях организации языка.

Максимальной единицей синтаксиса служит предложение, изучаемое в двух основных аспектах: как конкретная единица и как член класса единиц. В компетенцию синтаксической теории входит изучение всех аспектов, касающихся линейного развертывания, иерархической организации и отношений типа часть — целое, устанавливающихся внутри предложения, а также изучение всех факторов порождения классов предложений, в том числе анализ соотношения предложений и сверхфразовых единств, предложений и групп меньше предложения, а также анализ регулярных соответствий между структурными схемами классов предложений и сущностями плана содержания.

Специфическим для синтаксиса является понятие грамматического запрета. Порождение конкретных предложений и воспроизводство классов предложений обеспечивается системой запретов. Понятия грамматически правильного как обязательного для синтаксической парадигматики недостаточно. И, наоборот, чисто формальная модель грамматики как системы запретов не годится для морфологии, так как игнорирует проблему грамматического значения. Данный факт служит серьезным аргументом против редуccionистских концепций грамматики, сводящих порождающее / распознающее устройство либо только к синтаксису, либо только к морфологии и отрицающих двухуровневую организацию синтаксиса.